

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-583](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583)EDN: [HOHLQS](https://edn.ru/HOHLQS)

УДК 140.8:101.1:316

Философские аспекты концепции цифрового бессмертия: между русским космизмом и трансгуманизмом

С.М. Мальцева^{1,2}, П.Р. Шкадина¹, Е.А. Нагорнов²¹Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация²НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В современном мире на первый план выходит вопрос о том, может ли цифровое воспроизведение личности считаться ее продолжением или перед нами лишь новая форма памяти о человеке.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать современный проект цифрового бессмертия продолжает давнюю идею преодоления смерти, но радикально меняет ее смысл, переводя проблему из нравственной концепции в технологическую. Гипотеза: цифровое бессмертие следует понимать не как доказанную форму продолжения личности, а как философски спорную и этически нагруженную модель ее цифрового продолжения.

Новизна работы состоит в том, что сравнение русского космизма и трансгуманизма проводится по четырем критериям: понимание природы человека, трактовка смерти, роль технологий и критерий личностной тождественности. Именно эти критерии позволяют избежать поверхностного сближения двух направлений и показать пределы самой идеи цифрового бессмертия.

Методы: сравнительно-исторический и концептуальный анализ, а также метод философской реконструкции.

Результаты. Показано, что в русском космизме бессмертие мыслится как общее нравственное дело человечества, то в трансгуманизме как исследование научно-технического прогресса в продлении или воспроизведения личности. Особое внимание уделяется проблеме сознания: даже полное сохранение информации о человеке еще не доказывает сохранение субъективного опыта.

Ключевые слова: цифровое бессмертие; русский космизм; трансгуманизм; личность; сознание; этика технологий; Н. Ф. Федоров; Д. Чалмерс

Для цитирования. Мальцева, С. М., Шкадина, П. Р., & Нагорнов, Е. А. (2026). Философские аспекты концепции цифрового бессмертия: между русским космизмом и трансгуманизмом. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 86–103. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583>

Philosophical aspects of the concept of digital immortality: between Russian cosmism and transhumanism

S.M. Maltseva^{1,2}, P.R. Shkadina¹, E.A. Nagornov²

¹*Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State
University of Railway Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

Background. In the modern world, the question of whether digital reproduction of a personality can be considered its continuation or whether we are facing only a new form of human memory is coming to the fore.

The **purpose** of the study is to show that the modern digital immortality project continues the long-standing idea of overcoming death, but radically changes its meaning, transferring the problem from a moral concept to a technological one. Hypothesis: digital immortality should be understood not as a proven form of personality continuation, but as a philosophically controversial and ethically loaded model of its digital continuation.

The **novelty** of the work is that the comparison of Russian cosmism and transhumanism is based on four criteria: understanding human nature, interpretation of death, the role of technology and the criterion of personal identity. It is these criteria that make it possible to avoid a superficial convergence of the two directions and show the limits of the very idea of digital immortality.

Methods: comparative historical and conceptual analysis, as well as the method of philosophical reconstruction.

Results. It is shown that in Russian cosmism immortality is thought of as a common moral cause of mankind, while in transhumanism it is considered as a study of scientific and technological progress in the prolongation or reproduction of personality. Special attention is paid to the problem of consciousness: even the complete preservation of information about a person does not prove the preservation of subjective experience.

Keywords: digital immortality; Russian cosmism; transhumanism; personal identity; consciousness; ethics of technology; N. F. Fedorov; D. Chalmers

For citation. Maltseva, S. M., Shkadina, P. R., & Nagornov, E. A. (2026). Philosophical aspects of the concept of digital immortality: between Russian cosmism and transhumanism. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 86–103. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583>

Введение

В современном мире на первый план выходит вопрос о том, может ли цифровое воспроизведение личности считаться ее продолжением, или речь идет лишь о новой форме культурной памяти. Поводом для этого служит развитие цифровых технологий, способных сохранять большие объемы персональных данных, моделировать речь и поведение человека, а также создавать его цифровые образы. Однако философский смысл проблемы выходит за пределы вопроса о технической осуществимости таких проектов.

Традиционно понимаемые понятия «личность», «сознание», «память» в цифровом мире не просто перестают дополнять друг друга, а вступают в конфликт. Память превращается в обезличенную базу данных, запись цифрового следа. Цифровая личность извлекается из памяти, она не обладает полнотой бытия. Это набор реакций, устойчивых и повторяющихся решений, которые отличают цифрового субъекта от других. Сложнее всего с сознанием. Это уже не информация, а процесс переживания, проживания. Сознание уникально и персонально. Его нельзя полностью скопировать. Даже если создать копию мозга, сознание-источник продолжит жить отдельно.

Но речь идет о более принципиальной теме: может ли цифровая реконструкция личности считаться продолжением самой личности, или перед нами лишь новая форма памяти о человеке [14; 24]. Именно поэтому цифровое бессмертие стоит рассматривать не как решение проблемы смерти, а как тема, затрагивающая этические аспекты философии [8]. Здесь сталкиваются как минимум три вопроса: что именно должно быть сохранено, чтобы можно было говорить о продолжении личности; можно ли свести сознание к информации; какие этические последствия возникают, если цифровые формы посмертного присутствия станут обычной социальной практикой.

Чтобы ответить на эти вопросы нужно соотнести русский космизм и трансгуманизм, как два направления, которые по-разному осмысляют возможность преодоления человеческой смерти [18; 19; 21].

Цель исследования – выявить философское содержание концепции цифрового бессмертия через сравнение идей русского космизма и трансгуманизма. *Гипотеза исследования* состоит в том, что цифровое бессмертие следует понимать не как доказанную форму продолжения личности, а как философски спорную и этически нагруженную модель ее цифрового продолжения. *Объектом исследования* являются философские представления о бессмертии, а предмет – трактовка цифрового бессмертия как формы сохранения или воспроизведения личности в условиях технологической культуры.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический и концептуальный анализ, а также метод философской реконструкции.

Результаты и обсуждение

В самом общем виде под цифровым бессмертием понимают сохранение личности после биологической смерти в цифровой среде. Но уже на уровне определения возникает серьезная трудность. Можно сохранить архив текстов, изображений, голосовых записей, привычных реакций и даже типичных речевых оборотов человека. Можно создать цифрового собеседника, который будет воспроизводить стиль общения умершего. Однако из этого еще не следует, что сохранен сам субъект опыта. Иначе говоря, цифровая воспроизводимость поведенческого профиля еще не равна сохранению сознания [9; 26]. Обращение к проблематике цифрового бессмертия требует прежде всего терминологической определенности, поскольку само это понятие находится в процессе активного становления и не имеет на сегодняшний день устоявшегося общепринятого определения. В отечественном научном дискурсе термин «цифровое бессмертие» зачастую соседствует с такими концептами, как «кибернетическое бессмертие», «цифровое посмертие» (digital afterlife), «цифровая загробная жизнь», а также с более технически-

ми обозначениями вроде «цифровых останков» или даже «цифровых зомби» [6].

И.Ю. Алексеева в работе, посвященной культу технологий и субъектности человека, обращает внимание на то, что идея кибернетического бессмертия формируется в контексте более широких квазирелигиозных тенденций отношения к технике, где технологии искусственного интеллекта начинают восприниматься как инструмент преодоления фундаментальной человеческой конечности [5]. В этом смысле цифровое бессмертие предстает не просто как технический проект, но как определенная мировоззренческая установка, имеющая выраженные псевдорелигиозные компоненты. Ю.В. Назарова, анализируя цифровое посмертие в контексте концепции инфосферы Лучано Флориди, предлагает рассматривать данное явление через призму представлений о человеке как об «инфорге» – информационном организме, существующем в единой информационной среде [15]. Согласно этой логике, цифровое бессмертие может быть понято как продолжение информационного существования индивида после прекращения его биологической жизни. При таком подходе граница между жизнью и смертью в цифровом измерении становится принципиально размытой: если в физическом мире смерть маркирует необратимый конец существования, то в пространстве инфосферы она может быть описана скорее как переход в иную форму присутствия.

В исследовательской литературе последних лет предпринимаются попытки систематизации видов цифрового бессмертия, а именно: «одностороннее бессмертие», при котором цифровые данные умершего сохраняются и могут быть доступны будущим поколениям, но не предполагают интерактивного взаимодействия; «двустороннее бессмертие», подразумевающее возможность коммуникации с цифровой репрезентацией умершего, которые будут эволюционировать в процессе взаимодействия с живыми пользователями [1].

Здесь особенно значима философия сознания, в которой Д. Чалмерс показывает, что даже исчерпывающее описание функциональной организации психики не снимает вопроса о субъективном

переживании, о том, «каково это» – быть данным сознанием. Центральный тезис Д. Чалмерса формулируется с провокативной прямотой: виртуальные миры не являются второсортными мирами, а жизнь в виртуальной реальности может быть столь же осмысленной и ценной, как и жизнь в неvirtуальном, физическом мире [2]. Методологически Д. Чалмерс определяет свой подход как «технофилософию» – способ философствования, при котором классические философские вопросы о природе реальности, сознания, познания и ценности жизни рассматриваются сквозь призму современных технологических достижений и проектов. Виртуальная реальность, искусственный интеллект, гипотеза симуляции для Д. Чалмерса не просто поводы для футурологических спекуляций, но законные предметы философского анализа, способные пролить свет на традиционные метафизические и эпистемологические проблемы. В контексте цифрового бессмертия такой подход означает, что вопрос о возможности и желательности переноса сознания на небиологический носитель должен решаться не априорно, через апелляцию к интуициям о «неестественности» подобной трансформации, но через тщательный анализ онтологического статуса цифровых объектов и виртуальных сред [3]. Подход Д. Чалмерса к проблеме сознания, а именно его знаменитое различие между «легкими» и «трудной» проблемами сознания, а также его аргумент о принципиальной возможности существования «философских зомби» – задает концептуальные рамки для обсуждения вопроса о том, будет ли цифровая копия личности обладать феноменальным сознанием, субъективным переживанием [2]. Сам Д. Чалмерс занимает в этом вопросе осторожную позицию. Он не утверждает, что функциональная изоморфность автоматически гарантирует наличие сознания, но и не исключает такой возможности. Для цифрового бессмертия это означает, что вопрос о том, будет ли цифровая личность действительно «живой» в феноменальном смысле, остается открытым, но открытым в том смысле, который не позволяет отвергнуть такую возможность.

Русский космизм позволяет увидеть, что стремление преодолеть смерть не сводится к современной технике и не является ис-

ключительно продуктом цифровой эпохи. Для Н. Федорова смерть выступала не естественной нормой, а главным разрывом человеческого бытия, который должен быть преодолен усилием всего человечества: «Смерть есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же воскрешение будет победою нравственности, будет последней высшею степенью, до которой может дойти нравственность» [24, с. 433]. Этический нерв расхождения между космизмом и трансгуманизмом особенно остро ощущается в вопросе о субъекте воскрешения. Для Н. Федорова и его последователей воскрешение мыслится как всеобщее дело. Так К.Э. Циолковский мыслил бессмертие как «переселение душ», состоящих из живых атомов, которые рано или поздно вновь соединятся во вселенной и образуют более совершенную форму жизни [25]. В.И. Вернадский описывал необходимость более активной роли человека в эволюции, когда разум станет решающей космической силой – ноосферой [7]. «Воскрешение отцов» предполагает нравственную ответственность живущих перед ушедшими поколениями, долг памяти, который не может быть уменьшен к индивидуальному проекту продления собственной жизни. Трансгуманизм, напротив, ориентирован преимущественно на индивидуальное технологическое самосовершенствование, на продление жизни ныне живущих и будущих поколений, оставляя умерших в прошлом. Здесь проявляется фундаментальное этическое различие: космизм выстраивает моральную перспективу, в которой человек существует в неразрывной связи с предками и потомками, тогда как трансгуманизм тяготеет к радикальному индивидуализму, граничащему с этическим солипсизмом [18; 23].

О.И. Елхова вводит понятие «этернальные коды», под которыми понимаются устойчивые информационные структуры, обеспечивающие сохранение данных о личности в цифровой форме для продолжения существования человека после его физической смерти. Исследовательница подчеркивает, что общим знаменателем космизма и трансгуманизма выступает стремление к бессмертию, однако современный космизм, в отличие от радикального трансгуманиз-

ма, настаивает на необходимости глубокого философского анализа и взвешенного подхода к теме кибернетического бессмертия [12].

Критический анализ трансгуманистической этики представлен в рецензии А. С. Тимощука на книгу В. Кутырева «Человек технологий. Цивилизация фальшизма». Автор рецензии проблематизирует метафоры, используемые В. Кутыревым для описания трансгуманистического проекта («мозги в банке», «церебральные чипы», «технологическая сингулярность»). Он отмечает, что такая яркая подача помогает не забалтывать проблему, а раскрывать ее античеловечную сущность. Сам термин «фальшизм», вводимый В. Кутыревым, отсылает к идее тотальной подмены, симуляции подлинного существования [22].

В отличие от большинства академических исследователей космизма, занимающих критическую или настороженную позицию по отношению к трансгуманизму, Д. Ицков стремится обнаружить точки схождения и преемственности между двумя традициями. Он утверждает, что «многогранность культуры исторически задавала и задает порой несовместимые векторы развития человечества», но сегодня человечество накопило достаточный опыт для сознательного выбора того вектора будущего, который, с одной стороны, вполне осуществим с точки зрения современной науки, а с другой требует единства человечества и осознания им новых возможностей [13, с. 310].

Именно здесь проходит важная граница между космизмом и позднейшими технологическими проектами. Н. Федоров мыслит бессмертие не как услугу, не как индивидуальную опцию и не как привилегию для тех, кто обладает ресурсами. В центре его концепции находятся память, ответственность, родство поколений и общность человеческой судьбы. Поэтому космизм изначально задает этическую перспективу. Вопрос не только в том, можно ли победить смерть, но и в том, во имя чего это должно быть сделано [10; 19].

Принципиальное расхождение этических векторов двух традиций связано с пониманием источника и характера морального должностовования. Русский космизм, укорененный в христианской антропо-

логии и софиологии, мыслит этику как производную от онтологии – от признания за человеком особого места в космическом порядке и вытекающей из этого признания ответственности перед Творцом и мирозданием. Смерть понимается не просто как биологическая данность, которую следует преодолеть техническими средствами, но как следствие нравственного несовершенства человечества, его разобщенности. Соответственно, и преодоление смерти требует не столько технологического прорыва, сколько нравственного преображения, обращения человека к своему духовному призванию.

Особого внимания заслуживает этическая проблематика, связанная с критерием личностной тождественности при переходе в цифровое существование. Если трансгуманизм, опираясь на функционалистское понимание сознания, исходит из того, что сохранение информационной структуры достаточно для сохранения личности, то русский космизм, особенно в федоровском понимании, настаивает на необходимости восстановления целостного человека в единстве духовного и телесного начал. Цифровая копия, сколь бы точной она ни была, не может считаться воскресенным человеком. Это всего лишь симуляция, подобие, которое лишено качества быть настоящим. Этическая оценка такой подмены однозначна: выдавать информационную реплику за воскресшую личность, что означает фундаментальный обман и уводить человека от истинной задачи преодоления смерти.

Сравнение русского космизма и трансгуманизма требует выделения четких критериев, позволяющих зафиксировать как моменты содержательной схожести, так и принципиальные расхождения между двумя течениями. И. В. Демин, обращаясь к осмыслению идеи бессмертия в русском космизме и трансгуманизме, подчеркивает, что уникальность обоих подходов заключается в том, что никогда прежде в философии и религии преодоление смерти не рассматривалось в качестве практического проекта и достижимой цели человеческого существования [10].

Первый критерий – понимание природы человека. Для космизма человек есть нравственное и духовное существо, включен-

ное в историю поколений и ответственное за общее будущее. Для трансгуманизма человек чаще описывается как система, параметры которой могут быть улучшены, расширены или перенесены в новую среду. Отсюда следует различие и в понимании личности. В первом случае она укоренена в нравственном смысле бытия, во втором чаще связывается с информационной структурой и функциями [17].

В философии русского космизма человек мыслится как существо принципиально незавершенное, находящееся в процессе становления и призванное к активному участию в эволюционных процессах космического масштаба. Ю.В. Олейников, анализируя мировоззренческий аспект эволюционно-проективной философии русского космизма, отмечает, что данная традиция рассматривает человека не как венец творения и не как статичную данность, но как существо, наделенное разумом именно для того, чтобы стать сознательным соработником природных и космических сил [16]. Сознание в русском космизме наделяется онтологическим статусом - оно не просто эпифеномен материальных процессов, но активная сила, способная преобразовывать действительность.

Трансгуманизм предлагает принципиально иную антропологическую модель. Трансгуманистическое понимание человека характеризуется отказом от представления о наличии у человеческого существа неизменной духовной сущности или сакрального ядра [4]. Человек рассматривается как биофизическая система, которая может быть улучшена, модифицирована и в конечном счете преодолена технологическими средствами. Цифровизация в данном контексте выступает не просто инструментом, но средой и условием антропологической трансформации, ведущей к появлению постчеловека.

Второй критерий – трактовка смерти. Центральной фигурой русского космизма в осмыслении проблемы смерти остается Н. Ф. Федоров, сформулировавший идею «имманентного воскрешения» как общего дела человечества. И.В. Демин подчеркивает, что в философии Н.Федорова смерть в глубочайшем, предельном смысле – это выбор человеческого существа, а не простая природная данность,

с которой следует смириться [11]. В космизме смерть понимается как фундаментальное зло, преодоление которого возможно только как общее дело. В трансгуманизме она интерпретируется прежде всего как техническая проблема или сбой биологической системы. Нравственность уступает место инженерной постановке вопроса и поэтому в результате меняется и образ бессмертия. Вместо всеобщего спасения появляется проект индивидуального продления или цифрового сохранения [12].

Третий критерий – роль технологий. В русском космизме технология никогда не мыслилась как самодостаточная сила, способная автономно обеспечить преодоление смерти. Как отмечается в исследовании, посвященном мировоззренческому аспекту эволюционно-проективной философии космизма, технологическое развитие рассматривается здесь как необходимое, но недостаточное условие достижения бессмертия [16]. Техника должна быть одухотворена нравственным усилием, подчинена высшим целям космической эволюции, вписана в логику становления ноосферы – сферы разума, где природные и социальные процессы начинают управляться сознательной человеческой деятельностью.

Благодаря этому критерию, можно четко увидеть границу между двумя подходами. Для русского космизма техника имеет подчиненный статус (она значима постольку, поскольку служит нравственной задаче). Для трансгуманизма же технология становится главным средством и часто главным основанием надежды. Именно поэтому в дискуссиях о цифровом бессмертии внимание смещается к интерфейсам и вычислительным возможностям. Но там, где технология становится самоценной, возрастает риск подмены вопроса о человеке вопросом о работоспособности модели.

Четвертый критерий – критерий личностной тождественности. Вопрос о том, сохранит ли человек свою идентичность при переходе в цифровую или иную постбиологическую форму существования, является, пожалуй, наиболее острым пунктом расхождения между русским космизмом и трансгуманизмом. В философии космизма личность мыслится как уникальное, неповторимое единство духовного и

телесного начал, которое не может быть сжато к информационному шаблону и воспроизведено без утраты сущностных характеристик. Воскрешение в логике Федорова предполагает восстановление именно целостного человека в единстве его духовных и телесных качеств, а не создание цифровой копии или симуляции. Трансгуманизм, опираясь на функционалистское понимание сознания, исходит из того, что личностная тождественность обеспечивается непрерывностью и связностью информационных процессов, а не конкретным материальным носителем. В этой логике постепенная замена биологических компонентов на кибернетические аналоги или полный перенос сознания на цифровой субстрат не создают угрозы для сохранения идентичности, при условии, что информационная структура остается изоморфной исходной. Н. Н. Ростова, обращаясь к проблематике смерти человека в современной философии, указывает на интеллектуальный подлог, лежащий в основе постгуманистических деклараций: «тот, смерть кого объявлена, и не существовал вовсе», поскольку человек изначально мыслился не как самобытный феномен, но как эпифеномен более фундаментальных структур [19].

Из сказанного следует, что цифровое бессмертие можно интерпретировать как точку пересечения русского космизма и трансгуманизма лишь с важной оговоркой. Их действительно роднит неприятие смерти как безусловной границы человеческих возможностей. Но на этом сходство в значительной мере заканчивается. Космизм задает нормативный и нравственный горизонт, тогда как трансгуманизм предлагает инструментальный и технооптимистический сценарий. Поэтому говорить о прямой преемственности можно только с учетом глубокого различия в понимании человека, сознания и цели бессмертия [20]. Эти расхождения имеют не узкотехнический, но мировоззренческий характер и коренятся в различном понимании места человека и смысла его существования.

Особого внимания требует этическая сторона проблемы. Даже если отвлечься от вопроса о том, совпадает ли цифровая копия с личностью, сохраняются проблемы согласия на посмертное использование данных, права на цифровой образ, ответственности за

высказывания цифрового двойника и неравного доступа к подобным технологиям. Кроме того, цифровое бессмертие может изменить саму культуру памяти (вместо работы скорби и воспоминания общество получит алгоритмически поддерживаемое присутствие умершего). В таком случае технология не отменяет смерть, а лишь трансформирует способы ее переживания.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что концепция цифрового бессмертия не может быть понята исключительно в терминах технической возможности. Она затрагивает фундаментальные вопросы философской антропологии: что такое личность, где проходят границы сознания и можно ли считать воспроизведение информационной структуры продолжением субъекта. В этом отношении цифровое бессмертие оказывается не готовым ответом, а формой постановки старого вопроса о человеческой конечности в новых технологических условиях.

Сопоставление русского космизма и трансгуманизма позволило установить, что их объединяет стремление преодолеть смерть, но различает понимание смысла этого преодоления. Для космизма бессмертие связано с нравственным долгом, общим делом и ценностью человеческой связи поколений. Для трансгуманизма – с проектом управляемого изменения человека и переносом надежды на технологию. Поэтому цифровое бессмертие можно рассматривать как технизированную версию старой мечты о победе над смертью, но не как ее прямое и бесспорное осуществление.

Главный вывод состоит в том, что цифровая копия личности еще не тождественна самой личности. Сохранение данных, поведенческих шаблонов и речевых особенностей не дает достаточных оснований утверждать сохранение субъективного опыта. Именно поэтому проблема цифрового бессмертия должна обсуждаться не только в контексте технического прогресса, но и в рамках философии сознания и этики. Такой подход позволяет увидеть в ней не просто технологический проект будущего, а серьезный вызов нашему пониманию человека.

Список литературы

1. Bassett, D. J. (2022). *The creation and inheritance of digital afterlives, you only live twice*. Books Puddle.
2. Chalmers, D. J. (2017). The virtual and the real. *Disputatio*, 9(46), 309–352. <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>
3. Chalmers, D. *The mind bleeds into the world*. Edge. Retrieved April 5, 2026, from https://www.edge.org/conversation/david_chalmers-the-mind-bleeds-into-the-world
4. Авдеева, Е. А., & Чочетков, М. В. (2022). Человекоориентированный смысловой дискурс в теории и практике образования. *Философия образования*, 22(1), 87–102. <https://doi.org/10.15372/PNE20220106>. EDN: <https://elibrary.ru/GLJHOO>
5. Алексеева, И. Ю. (2021). Культ технологий и субъектность человека. В *VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, 11 марта 2021 г.* (ч. 1, с. 109–116). МИЭТ. EDN: <https://elibrary.ru/NPGIAT>
6. Булычев, И. И., & Назарова, Ю. В. (2021). Современные проблемы и перспективы танатологии: этический аспект. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, (4), 57–69. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-57-69>. EDN: <https://elibrary.ru/WRPVJE>
7. Вернадский, В. И. (2004). *Биосфера и ноосфера*. Айрис Пресс.
8. Вороховов, А. В. (2026). Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики. *Вестник Мининского ун-та*, 14(1), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2026-14-1-15>. EDN: <https://elibrary.ru/BENPXM>
9. Галкин, И. Г. (2025). Анализ проблем трансгуманизма на примере концепции цифрового бессмертия. *Труды СПДС*, (2), 56–79. https://doi.org/10.56621/27825884_2025_29_56. EDN: <https://elibrary.ru/FFLFAC>
10. Демин, И. В. (2015). Может ли бессмертие быть целью человеческих устремлений? (осмысление идеи бессмертия в русском космизме и в трансгуманизме). *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 41–55. <https://doi.org/10.17726/phillIT.2015.9.1.129>. EDN: <https://elibrary.ru/UACRBT>
11. Демин, И. В. (2014). *Русский космизм в контексте современной техногенной цивилизации* [Учебное пособие]. Самарская гуманитарная академия. ISBN 978-5-98996-148-1. EDN: <https://elibrary.ru/TKXFJD>
12. Елхова, О. И. (2024). Этернальные коды: философские размышления о «кибернетическом бессмертии». *Вестник КРСУ*, (10), 20–26. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-10-20-26>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPIMK>
13. Ицков, Д. И. (2017). Социокультурные аспекты дискуссий о кибернетическом субстрате как этапе глобального проекта бессмертия. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*, (4), 308–313. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/308-313>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWJVVV>

14. Назарова, Ю. В. (2021). Проблема бессмертия в контексте цифровой этики. *Общество: философия, история, культура*, (11), 17–21. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.2>. EDN: <https://elibrary.ru/UNQDRE>
15. Назарова, Ю. В. (2021). Цифровое послесмертие в концепции инфосферы Л. Флориди (этический анализ). *Манускрипт*, (12), 2675–2679. <https://doi.org/10.30853/mns20210459>. EDN: <https://elibrary.ru/EMYYAS>
16. Олейников, Ю. В. (2021). Мировоззренческий аспект эволюционно-проективной философии русского космизма. *Философские науки*, 64(3), 7–25. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-3-7-25>. EDN: <https://elibrary.ru/AZLYZY>
17. Пилецкий, С. Г. (2021). О гуманизме и трансгуманизме. *Идеи и идеалы*, (1-1), 166–178. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180>. EDN: <https://elibrary.ru/EGTFVS>
18. Пряхин, В. Ф. (2012). Русский космизм и трансгуманизм. *Приволжский научный вестник*, (8), 44–59. EDN: <https://elibrary.ru/PCFZUH>
19. Ростова, Н. Н. (2023). Почему русский космизм — это не трансгуманизм? *Вестник Томского государственного университета*, (491), 49–54. <https://doi.org/10.17223/15617793/491/6>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNVGD>
20. *Солнечное сознание для миллениалов*. ЗАВТРА.PY. Retrieved April 21, 2026, from https://zavtra.ru/blogs/solnechnoe_soznanie_dlya_millennialov#
21. Суслов, А. В. (2021). Русский космизм и трансгуманизм в полемике между антропологическим волюнтаризмом и провиденциализмом. *Философская мысль*, (8), 65–77. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.8.35781>. EDN: <https://elibrary.ru/AGYYDR>
22. Тимошук, А. С. (2023). Угроза бессмертия [Рецензия]. *НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3), 647–652.
23. Федоров, Н. Ф. (1982). *Сочинения* (А. В. Гулыга, Ред.; С. Г. Семенова, Сост.). Мысль.
24. Федоров, Н. Ф. (1995). *Сочинения в четырех томах* (Т. 1). Прогресс.
25. Циолковский, К. Э. (2007). *Космическая философия. Щит научной веры: сборник статей*. Самообразование.
26. Яцевич, М. Ю., & Белоногов, М. А. (2024). Философско-этические проблемы цифрового бессмертия. *Universum: общественные науки*, (12), 61–63. EDN: <https://elibrary.ru/YPCWQD>

References

1. Bassett, D. J. (2022). *The creation and inheritance of digital afterlives, you only live twice*. Books Puddle.
2. Chalmers, D. J. (2017). The virtual and the real. *Disputatio*, 9(46), 309–352. <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>

3. Chalmers, D. *The mind bleeds into the world*. Edge. Retrieved April 5, 2026, from https://www.edge.org/conversation/david_chalmers-the-mind-bleeds-into-the-world
4. Avdeeva, E. A., & Kochetkov, M. V. (2022). Human-centered semantic discourse in the theory and practice of education. *Philosophy of Education*, 22(1), 87–102. <https://doi.org/10.15372/PHE20220106>. EDN: <https://elibrary.ru/GLJHOO>
5. Alekseeva, I. Yu. (2021). The cult of technology and human subjectivity. In *VII Descartes readings. Global threats to the development of civilization in the 21st century: Proceedings of the international scientific and practical conference, March 11, 2021* (Part 1, pp. 109–116). MIET. EDN: <https://elibrary.ru/NPGIAT>
6. Bulychev, I. I., & Nazarova, Yu. V. (2021). Modern problems and prospects of thanatology: The ethical aspect. *Humanitarian Bulletin of Tolstoy TSPU*, (4), 57–69. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-57-69>. EDN: <https://elibrary.ru/WRPVJE>
7. Vernadsky, V. I. (2004). *Biosphere and noosphere*. Airis Press.
8. Vorokhobov, A. V. (2026). Globalization as a challenge of modernity: Evaluation criteria in the paradigm of Orthodox social ethics. *Vestnik of Minin University*, 14(1), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2026-14-1-15>. EDN: <https://elibrary.ru/BENPXM>
9. Galkin, I. G. (2025). Analysis of transhumanism problems using the concept of digital immortality as an example. *Proceedings of SPDS*, (2), 56–79. https://doi.org/10.56621/27825884_2025_29_56. EDN: <https://elibrary.ru/FFLFAC>
10. Demin, I. V. (2015). Can immortality be the goal of human aspirations? (Understanding the idea of immortality in Russian cosmism and transhumanism). *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, (1), 41–55. <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.129>. EDN: <https://elibrary.ru/UACRBT>
11. Demin, I. V. (2014). *Russian cosmism in the context of modern technogenic civilization* [Textbook]. Samara Humanitarian Academy. ISBN 978-5-98996-148-1. EDN: <https://elibrary.ru/TKXFDJ>
12. Elkhova, O. I. (2024). Eternal codes: Philosophical reflections on “cybernetic immortality”. *Vestnik KRSU*, (10), 20–26. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-10-20-26>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPIMK>
13. Itskov, D. I. (2017). Sociocultural aspects of discussions on the cybernetic substrate as a stage of the global immortality project. *Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, (4), 308–313. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/308-313>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWJVVV>
14. Nazarova, Yu. V. (2021). The problem of immortality in the context of digital ethics. *Society: Philosophy, History, Culture*, (11), 17–21. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.2>. EDN: <https://elibrary.ru/UNQDRE>
15. Nazarova, Yu. V. (2021). Digital afterlife in Luciano Floridi’s concept of the infosphere (ethical analysis). *Manuscript*, (12), 2675–2679. <https://doi.org/10.30853/mns20210459>. EDN: <https://elibrary.ru/EMYYAS>

16. Oleinikov, Yu. V. (2021). Worldview aspect of the evolutionary-projective philosophy of Russian cosmism. *Philosophical Sciences*, 64(3), 7–25. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-3-7-25>. EDN: <https://elibrary.ru/AZLYZY>
17. Piletsky, S. G. (2021). On humanism and transhumanism. *Ideas and Ideals*, (1-1), 166–178. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180>. EDN: <https://elibrary.ru/EGTFVS>
18. Pryakhin, V. F. (2012). Russian cosmism and transhumanism. *Privolzhsky Scientific Bulletin*, (8), 44–59. EDN: <https://elibrary.ru/PCFZUH>
19. Rostova, N. N. (2023). Why Russian cosmism is not transhumanism? *Tomsk State University Journal*, (491), 49–54. <https://doi.org/10.17223/15617793/491/6>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNVGD>
20. *Solar consciousness for millennials*. ZAVTRA.RU. Retrieved April 21, 2026, from https://zavtra.ru/blogs/solnechnoe_soznanie_dlya_millenialov#
21. Suslov, A. V. (2021). Russian cosmism and transhumanism in the debate between anthropological voluntarism and providentialism. *Philosophical Thought*, (8), 65–77. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.8.35781>. EDN: <https://elibrary.ru/AGYYDR>
22. Timoshchuk, A. S. (2023). The threat of immortality [Review]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3), 647–652.
23. Fedorov, N. F. (1982). *Works* (A. V. Gulyga, Ed.; S. G. Semenova, Comp.). Mysl.
24. Fedorov, N. F. (1995). *Works in four volumes* (Vol. 1). Progress.
25. Tsiolkovsky, K. E. (2007). *Cosmic philosophy. Shield of scientific faith: Collection of articles*. Samoobrazovanie.
26. Yatsevich, M. Yu., & Belonogov, M. A. (2024). Philosophical and ethical problems of digital immortality. *Universum: Social Sciences*, (12), 61–63. EDN: <https://elibrary.ru/YPCWQD>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru

Шкадина Полина Романовна, студент кафедры технологий сервиса и технологического образования
Мининский университет
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
polinashkadina@yandex.ru

Нагорнов Евгений Александрович, канд. культурологии, доцент

НИПС - филиал ПривГУПС

пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация

evnagor@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines

Minin University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

maltsewasvetlana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-1852>

Scopus Author ID: 57204862811

Polina R. Shkadina, student of the Department of Technology of Service and Technological Education

Minin University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

polinashkadina@yandex.ru

Evgeny A. Nagornov, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines

Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering

3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

evnagor@yandex.ru

Поступила 05.05.2026

После рецензирования 30.05.2026

Принята 04.06.2026

Received 05.05.2026

Revised 30.05.2026

Accepted 04.06.2026